

Марина Матисс

НЕВЕСОМОСТЬ

16+

Марина Матисс

Невесомость

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Матисс М.

Невесомость / М. Матисс — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман основан на реальных событиях, произошедших в Испании в наше время. В нем описана история героини Марго, которая, столкнувшись с рядом трудностей в жизни, чувствует себя совершенно потеряно и, не найдя другого выхода, решает броситься с моста. Ее спасает молодой парень Хорхе, сын влиятельного бизнесмена и известного адвоката. Найдя друг в друге родственные души, пара решает начать все с чистого листа. Их ждут невероятные приключения, во время которых они открывают себя с новых сторон и учатся ценить каждое мгновение. Однако отца Хорхе такие изменения совершенно не устраивают...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	20
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Предисловие

Бывают дни, когда человек внезапно понимает, что нужно что-то срочно менять. Многого зависит от мотивации и внешних обстоятельств. «Новая жизнь с понедельника» очень часто заканчивается к четвергу. И чаще за нас реальные изменения приносит сама жизнь. А иногда мы сами не понимаем какая огромная сила заложена в нас и сколько возможностей нас окружают.

Эта книга написана на основе реальных событий. Вот так внезапно одним утром я поняла, что должна ее рассказать. Имена и некоторые действия при изложении этой истории были изменены. Многие детали и события, описанные в ней, являются символическими или собирательными образами.

Спасибо всем тем людям, кто принимал участие в моей жизни: как настоящей, так и прошлой. Все, что со мной произошло, обрабатывало меня, словно камень, превращая в статую, о изящности которой судить людям. Хотя безусловно меня ждет еще множество изменений. Или?..

На эти страницы я изложила не просто свою историю. Здесь частичка моей души и опыт, который, надеюсь, станет подсказкой и тем важным объятием всем тем, кто сбился со своего пути и ищет опоры.

Я написала эту книгу на одном дыхании: просто, быстро и естественно. Я просто больше не могла держать это в себе, и мне нужно было открыться, закрыв тем самым дверь в прошлое.

Читателей попрошу лишь о об одном одолжении: если у вас есть возможность, каждый раз, когда я добавляю музыку в описание какой-то ситуации и вы не знакомы с этой композицией, включите ее тихо на заднем плане. Это поможет проникнуться всей атмосферой.

Благодарю за внимание к этому скромному пассажи и желаю приятного чтения.

Глава 1

Вам когда-нибудь случалось испытать собственную смерть? Кто-то, возможно, удивится такому вопросу. А я до сих пор помню этот мой сон и ощущения от него. Я сидела летним вечером на небольшой скамье в парке, полном темно-нефритовых деревьев, поддерживающих своими могучими ветвями темно-бирюзовое, переходящее ближе к линии горизонта в коралловое, далее медное небо. Небо цвета полыхающей от своего необъемлемого кричащего желания сбываться, окованного ржавыми цепями реальности, умирающей надежды. Невероятная, недостижимая красота, заставляющая почему-то почти рыдать от грусти, выворачивая сердце наизнанку, призывающая вспомнить все самые тонкие и важные, мельчайшие моменты из прошлого: один взгляд, одно касание, одно слово. Но самое весомое. Внезапно звук в парке полностью пропал, все стало, как в вакууме. Ни птиц, ни играющих на площадке детей больше не было слышно. По небу пошла волна, словно морская, накатывающаяся издали, становящаяся крупнее, и цвет его стал меняться до насыщенного кроваво-красного. Это была бомба, взорвавшаяся где-то неподалеку. Меня охватила паника: вот он, конец, уже совсем скоро. В горле пересохло. Осознание смерти как конечной точки ударило меня в грудь и в глазах слегка потемнело, стало трудно дышать. За долю секунды ко мне пришло понимание того, что больше меня не будет и больше ничего я не смогу изменить. Чувство паники заставило мое тело онеметь, и я не могла больше сдвинуться с места. Волна дошла до меня. От ног по всему телу до макушки головы я почувствовала адский жар, моментально сменивший состояние внутри меня на невероятное спокойствие и умиротворение. Какое чистое пурифицирующее чувство. Такой легкости я не ощущала прежде еще никогда ни во сне, ни наяву. Плотность моего существования стала равна плотности воздуха, но что действительно важно, – эта легкость была и в самой моей душе.

Вместе с весом моего тела ушел и страх. Я больше не боялась *ее*.

Возможно ли ощущать что-то подобное при земном нашем существовании? Обрести это не бесстрашие и не безразличие, но безмятежность, совершенное спокойное счастье.

Сколько в истории было мыслителей, художников, поэтов, пытавшихся через свое творчество передать то, насколько коротка, но прекрасна жизнь, и как важно научиться ценить ее, наслаждаясь каждым моментом, до того, как станет слишком поздно. Все об этом слышали, но мало кто действительно прочувствовал. Еще меньше людей дали своему вдохновению, что черпали из работ творцов, применение на практике.

Я сидела, закинув ногу на ногу. Реакции слегка замедленны. Огромный белый холл создавал такое эхо, которым отдавались, казалось, даже мои мысли.

Внезапно моего плеча кто-то коснулся:

– Добрый день. Бегония. – темноволосая женщина невысокого роста, лет пятидесяти в красном костюме, с выдающимся, можно сказать, носом протянула мне руку.

– Марго, очень приятно. – я ответила с легкой улыбкой.

– Пройдёмте сюда. Почти все готово... – Бегония провела меня в небольшой кабинет, заполненный книгами, футлярами, папками с документами. Свет, лившийся из большого окна, выходящего на сад, заполнял помещение. По нему мельчайшими перьями поднималась легкая пыль. Женщина протянула мне документ на твердой папке и ручку.

– Этот формуляр нужно заполнить. Укажите здесь свои данные, – она провела указательным пальцем по странице, затем, полюнявив палец, перелистнула документ. – Перечень работ с названием на второй странице. Его нужно проверить и подтвердить, как и проценты. Подпись на каждой странице.

– Проценты? – я спросила, смущенно.

– Ваш гонорар. – Бегония поправила очки.

– А., да, простите, я не думала о том, что могла на этом заработать. – Я прокомментировала, глядя на свою собеседницу. Ее глаза внезапно заблестели ярче, чем золотая цепочка и кольца на пальцах ее правой руки.

– Забавно, – она улыбнулась. – Ваши представители гораздо лучше осведомлены о целях выставки в музее. Вы ведь будете продавать свои работы? В самом музее, конечно, ничего на продажу мы не выставяем. Но Вы должны быть в курсе, что после выставки будет проведен аукцион.

– Да... – я неуверенно проговорила с возрастающей интонацией, словно это был вопрос.

– Ну хорошо, – женщина вздохнула, – сообщите мне в таком случае, как только заполните все. Можем предоставить Вам сервис по перевозу картин, если необходимо. Нужно будет заполнить для этого еще один бланк, оставлю его здесь. – Бегония тяжело привстала, опираясь левой рукой на стол, и потянулась к одной из полок шкафа, очевидно за документом.

В этот момент в комнату вошел высокий худощавый мужчина в костюме, лет 45 с бородой и легко пробивающейся сединой на висках.

– Добрый день. – он подошел к Бегонии. – На следующую неделю все готово уже?

– Да, вот автор подписывает контракт, – она кивнула в мою сторону.

– Вы – Мацент? – мужчина повернулся ко мне, пристально уставившись, со слегка приоткрытым ртом.

– Да. – я смущенно ответила.

– Хосе Либрерос, – мужчина протянул мне руку. – Приятно познакомиться. Начальник отдела выставки. Я принимал финальное решение об организации экспозиции. Видел Ваши работы еще в Кайон, меня они очень впечатлили, хотя рабочий стаж у меня уже солидный. – Хосе говорил медленно, внимательно меня изучая.

– Спасибо. – Мне было приятно услышать это от человека, чьей профессиональной сферой является художественное искусство. И все же его комментарий мне показался весьма странным. У меня были сомнения в том, что его интерес был вызван только лишь моим талантом: как Хосе отметил, у него был богатый опыт работы в музее Королевы Софии с лучшими полотнами.

– Один вопрос... – он застыл, глядя на меня в течение нескольких секунд. – Картина «Боль потери» ... Кто на ней изображен?

Глава 2

... В мире существует равновесие, и иногда в нашу жизнь вмешиваются силы, которых нам не понять, и что-то бросают на чашу весов, чтобы качнуть их в нужную сторону.

Ренсом Риггз. Город пустых. Побег из дома странных детей

2:04

Бутылка допита. Не могла не ощутить вкус моего любимого бельгийского вишневого в последний раз. Перелистываю страницы в социальных сетях.

Семьи, дети. Тусовки. Радость, любовь, веселье, роскошь. “Залили” на страницу всю жизнь, которой нет. За светом телефона где-то безразличие, отреченность. Остывший кофе, вчерашняя майка и собранные волосы наверх.

Просто скролю вниз, уже даже не читая. Накатываются слезы, нервы, видение становится смазанным. На столе беспорядок, до полноты картины в ее классическом жанре не хватает угасающих окурков в пепельнице. Но вот проблема – я не курю.

Оглядела свой чердак в последний раз: приоткрытое окно на потолке, выходящее на крышу, неубранная постель, ночник, картины стопкой вдоль стены, одна – на подставке. Неоконченная. Пыталась его написать, не копируя с фото, ни с натуры. Только из моей памяти. Так точнее. Хотела получить образ его таким, каким его знаю и чувствую только я. Как же хорошо вышел, черт бы тебя...

– Не сверли меня взглядом, – я обратилась к картине.

Глаза получились особенно точно и выразительно передать.

Из ноутбука на заднем плане тихо Чет Бэйкер. Выключать не стану. Батарейка скоро разрядится, и он умолкнет сам.

Пора... Нужно что-то накинуть. Или выйти просто как есть.

Забавно, что меня вообще это волнует. Когда собираюсь выходить из дома в последний раз, какая к черту разница джинсы на мне или юбка.

Гляжу в зеркало, вспоминаю сколько времени в жизни потратила, занимаясь своей внешностью, а счастья мне это все равно не принесло. Шикарные длинные волосы отрастила и тысячу истратила на средства для ухода.

Чтобы потом взять и обрезать.

Жизнь.

Я долго выбирала между многими видами самоубийства. Газом мне показался интересный вариант. Человек просто засыпает, отключается и ничего не чувствует. Но ни газовой плиты, ни машины с гаражом у меня нет.

С таблетками есть проблема: важно правильно рассчитать дозу. В противном случае, если повезет, я бы просто отделалась поносом. Если не повезет- осталась бы инвалидом, так и не добившись желаемого эффекта.

Луле Велес была прекрасной женщиной, актрисой, но несчастной по жизни. Она так все старательно подготовила: украсила кровать лепестками роз, надела шикарное платье, чтобы

уйти красиво. Но организм отреагировал не так, как ожидалось, и она просто испортила и платье, и кровать своей рвотной массой. Потом на ней же поскользнулась и умерла в итоге от удара головой об унитаз.

Мне в общем-то все равно как это будет выглядеть... Есть люди, которые никогда не наденут носок с дыркой: мол «что же будет, если произойдет несчастный случай и, сняв с меня туфли, медики застанут меня в неловком положении?» Ты будешь уже мертв, что может быть более неловким?

Повешение – долго и мучительно. Так каждая секунда покажется годом в пытках, притом, что до асфиксии так беспомощно висеть придется около четырех – пяти минут. Это не считая того, что после наступления биологической смерти, человек на протяжении еще минут трех может чувствовать, что-то осознавать. Хотя это только предположение, пока еще не доказанное наверняка... Тем не менее, я бы хотела избежать мучений. Мой смысл ухода – это как раз избавление от страданий... Свобода.

Я хочу просто, быстро и наверняка.

В Мадриде есть давно излюбленный способ уйти в «последнюю прогулку»– прыгнуть с моста на шоссе. Самым популярным был Виадукт Сеговии, но его со всех сторон закрыли стеклянными стенами, чтобы больше никто прыгнуть с него не смог. Тем не менее есть еще один мост недалеко от Мансанарес, и до него как раз идти недолго.

Майка, шорты кеды. Нет... юбка... длинная. Пусть струится во время полета.

Возьму, пожалуй, только плеер. Музыка – это единственное, что мне искренне жаль потерять, уходя. Это действительно страшно. Больше никогда, никогда не услышать музыку...

Почти подошла к коридору. Остановилась. Обернулась на холст. Нет, этого так не оставлю. Подошла к подставке и взяла в руки кисть, выдавливая черную краску. Не жалея масла черным цветом по холсту, где были написаны глаза.

– Чтобы не смотрел так больше.

Возможно, именно так и появились знаменитые работы Малевича. Что там было изначально под черным слоем?... Было или не было что-то написано на том холсте первоначально, так вероятно были замазаны, спрятаны какие-то сильные эмоции, там непременно что-то важное...

Оставила кисть. Ухожу.

На столе в коридоре лежат ключи, и рука механически за ними потянулась...

Зачем?

Оставить или взять?

Тело начинает неприятно колотить.

Возьму...

Где-то глубоко, как мне кажется, надежда всегда есть. Вернуться, что-то изменить. Даже в самом безнадежном случае.

Трусиха.

Оставлю.

Дверь со скрежетом закрылась, а ручка двери словно не хотела отпускать.

Спустилась по узкой лестнице с шестого этажа, от чего голова немного закружилась.

Этот город никогда не спит. В любое время суток слышишь какую-то пустую болтовню и хохот. Хорошо, что в ушах «gloomy Sunday», и я отключена от внешних звуков.

Видишь разукрашенных «цыпочек», старающихся произвести фурор, а все тщетно: во взгляде черная дыра. Интеллект и глубину не наклеишь, не нарисуешь, будь ты хоть самым гениальным художником. Хотя тем ребятам вполне сойдет, и смотрят они, как обычно, совсем не в глаза.

Иду, уставившись на экран телефона. Как будто жду спасательной зацепки, причины остановиться, развернуться.

Не пишет никто. Только долбанный спам, заставляющий загореться телефон, будто там то, чего я так ждала. Открываю и вижу: «Акция от Оранж! Подключи полный пакет...» Никогда в жизни еще реклама не заставляла настолько бешено колотить все тело от злости и разочарования.

Я любила этот город, состоявшего из смеси средневековой загадки и современного шика. Я была рада когда-то своему сюда переезду, пока не поняла одну вещь: можно находиться в Барселоне, Париже или Нью-Йорке и умирать от желания испустить-таки последнее дыхание от одиночества и боли. Не имеет совершенно никакого значения, где человек живет. Любой мегаполис или даже самое живописное на Земле место в конечном итоге не более, чем просто фон. Даже со всеми его жителями это всего лишь неодушевленные декорации. Их можно менять и первое время радоваться обновленному антуражу, но позже понимаешь: ничего не изменилось.

Вот это высокое здание, например, которые раньше казалось прекрасным. Сейчас со всеми навешанными на него кондиционерами оно напоминает скорее лицо девушки в пубертатном периоде, не вызывая никакого восторга.

Почти пришла. Шаг заметно замедляется. Пытаюсь удержать момент, обдумать, вспомнить почему я дошла до этой точки... сейчас... или просто трусость?

Вспышками в памяти проносятся эпизоды: детство, учеба, работа... Отношения... Обиды на каждом этапе... За что?

Перила прохладные. Я перелезла через них и села, держась крепко. Осталось лишь дожидаться машины и отпустить руки... Вот так...

Свет появился в темноте.

Едет...

Еще секунда...

Нет, стоп... Рано. Как это делают обычно... Пишут предсмертную записку. А кому писать? Ему – все равно. Друзьям. Смысл? Это мое личное лимбо из смеси эмоций, одиночества и пустоты от нехватки самореализации. Никто ее так как я не прочувствует, не поймет. Будут курлыкать потом только «Но она же так любила жизнь! И работа была отличная. А такая красавица, зачем?»

Родителям?.. Их никогда особенно не интересовало счастлива ли я действительно в жизни. У нас разные представления о ее смысле и полноте, разные мерилки и углы зрения. К тому же их не удивляло, если я пропадала на месяц- другой, без звонков и новостей. Так что уйти без уведомлений намного лучше... и проще. Пусть думают, что это очередная затянувшаяся ссылка в себя, а потом – кто знает.

Ничего не стану писать. Никому. Пошли к черту. Любить человека нужно при жизни, а не рассказывать басни о том, как его не хватает, когда его больше нет.

Ничего не забыла, не оставила. Вспомнит обо мне в первую очередь начальство, затем через неделю хозяйка квартиры, когда придет время платить за аренду. Грустить искренне, наверно, мало кто будет. В любом случае я уже этого не увижу, не узнаю и не буду иметь к проблемам и переживаниям живых никакого отношения. В этом вся и прелесть.

Заключительному решению дает силу окончательное угасание всякой надежды.

Все пора. Едет.

Звук из наушников как параллельный мир и все замедляется.

Darling I hope that my dream never haunted you
My heart is telling you how much I wanted you...
Gloomу...
Закрѳла глаза...
Прыжок...

Глава 3

Грудную клетку сковало, не могу дышать.

Чувствую тугой захват сзади. Все смешалось. Наушники с плеером вылетели и упали на асфальт.

– Так спокойно! – я услышала мужской голос сзади.

Пытаюсь освободиться от захвата, руки болят, как будто сломаны. Что происходит...

В последнюю секунду, когда я готова была лететь вниз, меня успел схватить кто-то так сильно, что перехватило дыхание. Меня перетянули через перила и зажали руки и корпус тела.

– Успокоилась?

Я вывернулась, чтобы вдохнуть воздуха и увидеть его.

Парень. Молодой. Выражение лица его было ужасно встревоженное: округлённые глаза внимательно следили за каждым моим движением. Лоб был сморщен, руки слегка приподняты в воздухе, видимо, готовые к реакции в случае неожиданного моего действия.

– Ты в порядке? – спросила я у него.

– Я?? – с почти истеричным недоумением спросил парень.

– Выглядишь возбужденным. – мне пришлось сложиться вдвое, чтобы восстановить дыхание. В голове полный хаос... злость, от незавершенности того, на что наконец решилась, и ... облегчение? Ветер подул в лицо. Как же приятно...

А теперь что? Ведь почти дошла. Сложнее всего было решиться и сделать финальный шаг.

– Соображаешь, что ты делаешь? – ему непросто было найти слова: растерянность и опасение не давали мыслям собраться.

– Тебе какое дело? Зачем ты влез вообще?

– Я увидел тебя, остановил машину. Говорил сначала, потом кричал, но ты никак не реагировала.

Я посмотрела за перила на выпавший плеер на шоссе, парень медленно сделал шаг ко мне.

– Билли., – я выдохнула.

– Какой еще Билли? – у парня в глазах отчетливо читалось полное непонимание происходящего. Он смотрел на меня как на сумасшедшую.

– Какая. Билли Холидей... – окинула молодого человека взглядом еще раз. На вид ему было около 28. Надет на парне был дорогой костюм, белая рубашка, блестящие черные туфли. У него было крепкое строение тела, темные волосы, темно-карие глаза, ровный заостренный нос.

Я бахнулась на асфальт, расслабила спину, опираясь на каменную колонну моста. Смотрела в никуда и думала о том, насколько мне было одиноко. Мало кто понимал, о чем я думаю, что меня волнует долгие годы, а мне в итоге уже лень было объяснять. Я настолько привыкла к тому, что люди поверхностны. Откуда взялась эта необходимость всех и каждого достижения уровня псевдо-гламура любой ценой и продвижение инстаграма? Потребления пива в дешевом баре, бессмысленных сплетен о третьих лицах, не присутствующих при этом битье языка о зубы? Постепенно каждый неизбежно становится частью этого процесса. И даже я не исключение.

Словно пропаганда новой продукции, словно политическая агитация, словно опасный вирус мы сами проводим друг другу калибрацию точки зрения.

В поток моих мыслей внезапно врезался голос парня:

– Все в порядке. Слушай, что бы там ни случилось... Оно того не стоит.

– Я не хочу сейчас разговаривать, – я перебила.

– Хорошо. – Он запнулся на минуту, беспомощно глядя на меня, не в состоянии подобрать правильных слов, поджав губы. – Садись в машину, я подвезу – Парень подошел и протянул руку, чтобы помочь встать.

– В психушку? Обойдешься – я просто смотрела на него в ответ, не протянув руку, затем отвела взгляд.

– Обещаю в психушку не везти – он выглядел теперь более расслабленно. – Но я не хочу оставлять тебя здесь одну.

– С чего ты взял вообще, что я сяду в машину к какому-то незнакомому чуваку?

– Аа, – он поднял брови. – То есть минуту назад ты хотела покончить жизнь самоубийством, а сейчас тебя волнует, что будет, если я увезу тебя в неизвестном направлении?

Он улыбнулся. И в этом было что-то... Иронично, но как-то по-доброму, пытаюсь хоть как-то приободрить.

Он не был идеальным, модели-подобным типом с отращенной прядью волос, которой можно махать, как гривой и думать, что в комбинации с хищным отрететированным прищуром это невероятно привлекательно.

Совсем нет.

Это был тот человек, который одной глубиной своего взгляда способен передать, как тебя понимает без единого слова и насколько глубоко чувствует. Этим лишь одним взглядом он способен превратить самых идеальных моделей в дешевую бутафорию из пластика и воска на своем фоне.

Я глубоко вздохнула, подумав о том, что, если бы не он, я лежала бы сейчас на том шоссе. И выбора, что делать дальше, у меня действительно больше бы не было. Откуда только во мне столько агрессии?

— Ты прав. – я выдохнула. – Но домой я тоже не поеду. Не хочу.

— Как скажешь.

Я ухватила за его руку, как за спасательный круг, что вытянул меня наверх из темноты.

— Ты высокий, – заметила я, когда встала рядом.

— 185.

— 171.

— Очень приятно, – он посмотрел на меня с улыбкой, внимательно изучая мое лицо, затем развернулся в сторону машины, легко взяв меня за плечо.

— Что, даже не скажешь, «ooo, какие у тебя красивые голубые глаза»? – обычно это было первое, что я слышала. На контрасте в Испании это вызывало интерес.

— Я вообще-то не особенно успел рассмотреть, но раз уж ты сама на эту тему заговорила, уверен, ты прекрасно об этом знаешь. Не сомневаюсь многие уже тебе говорили кучу комплиментов. К чему повторяться?

Я слегка опешила, но такой ответ мне понравился. Возможно, передо мной человек, не ищущий расположения других любым способом, непонятно зачем, но на всякий случай. Человек независимый от чужого мнения.

Он открыл дверь своего порше спайдер.

– Угнал? – спросила я, когда парень пристегнулся и завел мотор.

– Почти. – он качнул головой с улыбкой.

– Это как?

– Я юрист. Адвокат. Не моя была идея, но это, наверно, не оправдание...

Так вот, чем хуже дела у других людей, тем лучше у меня. Для меня это что-то вроде воровства как раз и есть.

— Что значит не твоя идея? – Звучало так, как будто он ненавидел свою работу, что показалось мне странным. Ведь, чтобы столько заработать на своей профессии, нужно быть отличным специалистом. А добиться этого можно, отдаваясь ей полностью, искренне и нестандартно. Быть лидером. Изобрести что-то новое. Обладать исключительными способностями и трудолюбием. Иначе судьба с усмешкой ответит «Не верю!» и выплюнет из беспощадной мясорубки миллионов заурядных рабочих и мечтателей, скупающих ежегодно лотерейные билеты, в надежде поймать удачу, не прилагая ни малейшего усилия.

Либо у меня были ложные представления о создании капитала. Слишком наивные?

Парень выдохнул.

— Может кофе? – спросил он с надеждой сменить тему.

— В это время?

Я взглянула на часы: 3:15.

– Я знаю одно отличное место тут как раз близко. Разряда люкс, там кофе подают круглосуточно.

— Да, наверно. – пробормотала я. Все мое тело неприятно трясло от нервов и эмоций. Звук моих мыслей в голове был похож на оркестр, состоящий из абсолютно несовместимых по стилю музыкантов и инструментов, играющих каждый свою партию из совершенно разных произведений. Гремело так, что я даже забыла спросить...

– Как тебя зовут? – он спросил первым.

— Марго.

– Хорхе, – ответил парень.

От волнения, не понимая, куда себя деть, я достала телефон и открыла ленту новостей. Ничего нового: советы, как удержать мужчину, гороскопы, футбол, шоу бизнес...

– Думаю тебе стоит задуматься об отказе от телефона на какое-то время. – Хорхе сказал, увидев свечение моего гаджета.

– Да, наверное, ты прав. – я заблокировала экран телефона.

– Уже доказано, что все эти приложения не просто отнимают ужасно много времени из твоей жизни, а действительно вводят в депрессию.

– Все говорят, но все продолжают пользоваться. – Я улыбнулась. – Как быть, если этим пользуются все? И все ждут от тебя того же, иначе ты будешь странным сумасшедшим, отрезанным от общества.

– Смотри. – Хорхе залез рукой в карман и, достав оттуда телефон, протянул его мне.

Это был самый обычный Nokia с кнопками, старая модель.

– Я не пользуюсь приложениями. Их нельзя установить на этот телефон. Техника должна делать жизнь людей лучше, а не превращать ее в кошмар. Мнение других меня не волнует. Если мне необходима коммуникация с передачей данных по работе, у меня для этого есть ноутбук. Нужно быть честным перед самим собой, и, если ты можешь свои поступки обосновать, никто не назовет тебя сумасшедшим.

Я молча отдала телефон парню и спрятала свой в карман юбки, глядя в окно.

Машина остановилась на автозаправке. Естественно, как я сама не додумалась? «Отличное место разряда люкс», где можно выпить кофе в любое время.

Хорхе достал пистолет для дизельного топлива и вставил в бак.

– У тебя интересная внешность, ты откуда? – спросил он, глядя на меня внимательно, наклонив голову вбок.

– Я из Польши. Уехала несколько лет назад, поступила здесь в университет. Потом предложили работу, и я осталась. Назад домой меня особенно не тянуло. Тогда мне казалось это отличной идеей.

– Больше не кажется?

– Сложно сказать. Знаешь, люди часто думаю, что вот если бы только они где-то в прошлом поступили бы по-другому, сказали бы что-то другое, что-то в их жизни сложилось бы намного лучше. Но часто это иллюзия, потому что ты не мог поступить по-другому. Потом со временем, конечно начинаешь видеть другие возможные пути, но это уже совсем другая история. Ты то, что ты делаешь. Каждое твое решение, которое ты принимаешь на каждой стадии своей жизни и составляет то, что ты есть. – Я посмотрела на Хорхе. Он винул, приподняв брови. – Ну и вдбавок предложений по работе здесь оказалось больше.

– Плюс здесь теплее, – он улыбнулся.

– Это тоже – я кивнула в ответ, опираясь на машину.

— У меня где-то были монеты, – парень засунул руку в карман штанов и достал оттуда черный кожаный кошелек. – Подожди минуту, я расплачусь за топливо.

Он быстрым шагом дошел до окошка кассы. Я облокотилась на машину и подняла голову вверх. Почти полная растущая луна висела надо мной тяжелым желтым шаром. Небо было чистым и казалось затягивающе глубоким. Странно, но если концентрировать свое внимание на своих проблемах, кажется болит еще в тысячу раз сильнее. В то же время, если сравнить любые наши переживания с величиной космоса, все эти беды, трудности не значат совершенно ничего.

— Какой ты будешь? – Хорхе подошел ко мне, держа монеты в руке, – там стоит автомат.

Мы прошли несколько метров до кофе машины, и Хорхе опустил один евро в монето-приёмник.

Я, как всегда, выбрала латте. Он – черный без молока. «Непереносимость лактозы» – заметил Хорхе в ответ на мой пристальный взгляд.

– Не станешь комментировать, что я хорошо говорю по-испански, чтобы не повторяться?

— О нет, ты ужасно говоришь, жуткий акцент. Я только делаю вид, что понимаю, на самом деле отвечаю просто что попало, – засмеялся. – Ты отлично говоришь. Я не сразу даже заметил, что тут что-то не так. – Он задумался. Несколько секунд просто смотрел на меня в упор с легкой улыбкой, такой загадочной, поднимая лишь левый уголок губ.

– Ты готова? – спросил Хорхе.

– К чему? – я не ожидала такого вопроса.

– Рассказать. У меня есть свои догадки по поводу того, что привело тебя на мост. Но я могу ошибаться. Конечно, если ты не хочешь, не говори, но... Может я могу помочь.

– Ты уже помог.

– Я о долгосрочной перспективе. Снять человека с петли еще не значит решить его проблему.

Поразительно, как в самый неожиданный момент может появиться человек, который скажет «я хочу помочь». И эта фраза не отягощена интонацией коммерции или личного интереса. Как же искренне прозвучало...

Вот есть друзья, которые с Н-ной частотой спрашивают «как дела?». Не потому, что им есть до этого дело. А по одной из двух причин: либо им очень скучно, и ты еще не оказался в самом низу чата, а значит долго скролить не пришлось. Либо потому, что им срочно что-то нужно.

Я считала это уже достаточной причиной для того, чтобы в случае моего нахождения в состоянии овоща, меня все же отключили от аппарата. Иначе кто-то обязательно спросит «как дела?» в надежде попросить дать в долг или составить компанию вечером в баре, и потом удалит из друзей, потому что я не смогла ответить.

Из реального опыта: к одной моей подруге однажды пришла родственница навестить в больницу и принесла какие-то фрукты, приложив к ним счет...

Звучит, как воплощение мимов Софрона в оболочке современного общества: комедийная драма, которая достигла пика своей кульминации со свойственным искусству порой преувеличением. Уже мало что меня удивляло. Но этот парень... Я смотрю на него и знаю всего пол часа, а он, кажется, так же выбивается из современных стандартов. Как будто его дорогой костюм шит был совсем не для него. В нем колко и тесно, но носить приходится...

– Я не знаю с чего начать... Это не какая-то одна конкретная причина. – Я обхватила стаканчик с кофе двумя руками и подняла голову к небу. – Помню маленькой я шла с родителями по дороге в своем родном городе. На мне было хорошенькое такое платьице в синюю клеточку и шляпка. На небе были воздушные шары. При виде них меня охватило чувство невероятной головокружительной свободы, и я просто побежала вперед в их сторону, не отдавая себе отчет, где нахожусь. У меня словно появились крылья в тот момент. Это было настолько прекрасное великое чувство полного отсутствия границ и реальности. Мне хотелось удержать это ощущение и жить в нем. А в итоге? Я ограничена четырьмя стенами в оковах офисной работы под прессом стресса и необходимости выживания. – Я опустила голову. – Мне делали так больно, что я перестала что-либо чувствовать, кроме потерянности. Это странно, но, если случается что-то хорошее, уже нет никаких эмоций. А если что-то плохое – то эта боль, словно десятикратно приумножается. Я искала искренности и глубины, но находила только самолюбие, равнодушие, непонимание... Любви, мне кажется, вообще нет. Не существует. Даже, когда искренне кому-то кажется, что он любит другого человека, он не этого человека любит. Он любит себя в том состоянии эйфории, в которого его вводит этот другой человек. Вот, за что каждый цепляется. За свое собственное счастье, за свою выгоду. Я никому уже не верила... Когда это произошло в последний раз, я поняла, что... Я устала. Еда потеряла вкус, ничего не хочется... все как будто черно-белое.

– Что «это»?

– Все казалось так серьезно шло. Мой бывший парень, как-то постепенно он просто перестал отвечать на сообщения, раздражаться, если я пишу. Мы реже виделись. Когда я настаивала на ответе о том, что случилось, он сказал, что я слишком назойливая. Потом оказалось, что у него просто появилось новое увлечение, и ему не хватило смелости даже в этом признаться. Меня втихую вычеркнули, списали, как старый инвентарь.

– Вы долго были вместе?

— Полгода. Но это все неважно. Мы мало о чем могли говорить. Он был умным парнем, но иногда казался дислексиком, – я улыбнулась. – Знал много интересных вещей, но не мог объяснить. В психологии это называется шизоидностью, кажется.

Вскоре после нашего разрыва умерла моя бабушка, а я не смогла даже приехать на похороны, потому что не дали отпуск. Категорически.

Примерно в то же время мой менеджер совершил ошибку, за которую отчитываться перед всеми клиентами пришлось мне. И после всей моей упорной работы поздравили и наградили премией его, мне не сказали даже «спасибо». Естественно. Существенных денег в офисе не заработать, это ладно, но... Меня убивает тот факт, что, чтобы выжить в современном обществе, приходится каждый день своей жизни идти туда, где быть невыносимо. Считать минуты до выхода и вынужденно улыбаться всем, изображать любезность без права на собственное мнение и уж тем более на его выражение. И все для чего? Чтобы на заработанные деньги разве что еды купить. Еды купить, чтобы выжить. Выжить, чтобы вернуться в офис.

– Все и сразу на одни плечи. – парень улыбнулся, но в глазах его была тоска. – В это сложно поверить, но я частично могу понять, о чем ты говоришь.

Я кивнула и продолжила:

– Помню шла по городу в тот вечер и мне сигналили машины, водители выкрикивали «красотка!»

Хорхе перебил:

– То есть тот факт, что на тебя обращает внимание противоположный пол тоже вводит тебя в депрессию?

– Не смешно. Я всю дорогу думала: вот ведь они чьи-то парни и мужья... А ведут себя, как приматы. Да и вообще им абсолютно все равно кому это кричать. Сейчас они кричат мне, а еще через пятьсот метров кому-то другому.

– Извини. – Хорхе кивнул. – Продолжай.

– Родители давили на меня, что пора, пора найти серьезного парня, завести семью, детей... В моей стране принято довольно рано обзаводиться семьей. Если не сделать этого вовремя, становишься своеобразной белой вороной. А я не хочу просто жить с кем-то лишь потому, что так принято. Чтобы потом что? Через два года развестись? Или делать вид, что я не знаю о его интрижках, истерично делать подтяжки всю оставшуюся жизнь и бояться того дня, когда он скажет «я полюбил и ничего не могу с этим поделать».

— Какие у тебя вообще отношения с семьей?

– Как у генерала с солдатом. Я обязана была получить то образование, что выбрали они. Устроиться на хорошую работу и так дальше жить, как все «нормальные люди». А я совсем другого всегда хотела. И вот, мне 24, я сделала все именно так, как от меня ожидали, чтобы меня просто оставили в покое. И теперь хочу закрыть глаза и больше не видеть того, к чему меня все это привело. Это не моя жизнь... Каждый раз, глядя в зеркало, я вижу незнакомого мне человека, по которому сверху кроме всего пытается проехать станок современных ценностей, обесценивших значимость всего, что действительно ценно.

Лицо парня стало серьезным. Все время до этой минуты он держал спину прямо, а сейчас прогнулся, словно из него вытащили хребет, и больше не осталось никакой опоры. Он молча уставился в одну точку на несколько секунд, закрыл глаза и его начало знобить. Затем он посмотрел на меня и на выдохе сказал:

– В том, что ты говоришь есть смысл. Хотя мало кому удалось прожить идеальную жизнь без проблем. Трудности в жизни есть у каждого. Вопрос в том, насколько хорошо тебе удастся с ними справляться, и кто может тебя поддержать, когда это нужно.

— Мои «помощники» довели меня до синдрома здравого смысла, когда я сама себя начала загонять в ловушку. В моей голове это уже даже начало обретать какую-то логику и мне казалось, что так и надо жить. Но почему же я тогда совсем не счастлива? Я совсем потерялась. Но, пожалуй, правда в том, что винить кого-то куда проще, чем признаться в собственных ошибках.

Хорхе внимательно смотрел на меня молча затем, выдохнув, добавил – Надо отдохнуть. Можешь остаться у меня если хочешь.

Я не отвечала, просто смотрела на пустой стакан.

— В моей квартире есть свободная комната, переночуешь там.

– Спасибо, – я перевела взгляд на него, – Спасибо тебе большое.

Хорхе подошел ко мне и обнял:

– Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

Мадрид невероятно красив ночью. Изумительная подсветка гордых царственных зданий делает их то радостными, то загадочными с изменением цвета. Величие королевского дворца заставляет задумываться о различных эпохах, в которых Мадрид был домом многих поколений, о его богатом прошлом и настоящем.

У площади Испании мы свернули на широкую улицу с высокими утонченными зданиями. Машина остановилась у железных ворот, и они начали медленно подниматься. Мы оказались в огромном гараже, где, словно в стойле, в два длинных ряда были припаркованы стальные жеребцы: уже по автопарку было понятно, какие люди живут в этом доме. Лифт поднял нас на десятый этаж и открылся в длинный коридор, стены которого до середины были отделаны зеленым мрамором. Торжественно блистали золотистые перила лестниц, обрамляющих бело-снежные ступени. Это было совсем не похоже на дом, в котором снимала квартиру я: старое здание с обветшалыми деревянными коридорами, такими тесными, что двум людям в них уже мало места, чтобы разойтись.

Хорхе направился к одной из дверей, доставая из кармана ключи. Три поворота и замок открылся, позволяя тяжелой на вид двери сдвинуться. При входе парень остановился, чтобы ввести код для отключения сигнализации.

Я вошла внутрь, но была уже слишком уставшей, чтобы разглядывать саму квартиру.

– Идем, я покажу тебе ванную и твою комнату.

Я пошла следом.

– Здесь моя спальня, – он открыл дверь. Я заметила лишь большую кровать внутри, так как свет был выключен. – Тут одна ванная комната, там дальше по коридору зал и кухня. Можешь в этой комнате остаться. Она обычно для гостей. – Хорхе показал мне на одну из дверей в коридоре рядом с залом.

Я зашла в небольшую комнату приятных коралловых тонов, в которой была большая кровать, столик с ночником и огромное зеркало, стоявшее на полу до самого потолка высотой. Войдя, я сразу упала на кровать.

— Хочешь я дам тебе майку? Так удобнее будет спать.

— Спасибо, – я сделала усилие, чтобы присесть. Моментально моя «пижама» оказалась у меня на кровати.

– Я принесу тебе воды, – Хорхе вышел на кухню.

Майка ярко красного цвета выглядела на мне скорее, как короткое платье. Растрёпанные длинные волосы, макияж на глазах смазался. Я смотрела на себя в зеркало то собирая волосы наверх, то распуская снова.

— Тебе однозначно больше идет, чем мне, – сзади раздался голос Хорхе.

— Блондинка в красном – это же классика.

– Принести тебе еще чего-нибудь? Ты голодна?

– Нет спасибо. Ничего не нужно. Я только хочу отдохнуть.

– Если хочешь поговорить или тебе что-то нужно дай мне знать. – Хорхе приподнялся, чтобы встать, но я взяла его за руку.

– Не уходи. Мне немного не по себе от мысли остаться наедине сейчас. – Возможность остаться сейчас один на один со своими мыслями заставляло все тело дрожать.

— Хорошо, я останусь, пока ты не уснешь, – он присел ко мне на кровать. Я легла, обняв подушку. Хорхе гладил мою голову. – Ты совсем как принцесса. – он прошептал.

– Когда я была маленькая, мама часто уезжала по работе за границу. Сказки на ночь приходилось читать моему отцу. А он не знал ни одной. Поэтому как биолог и рассказывал мне сначала о животных... А затем переходил на рассказы о синтетической теории революции, генетическом дрейфе.

– Это хороший способ помочь ребенку заснуть как можно скорее. – Хорхе ответил, улыбаясь, а я продолжала рассказ, постепенно проваливаясь в расслабляющую негу сна.

– Речь об изменении частот вариантов генов в популя..., – я зевнула и мои глаза закрылись. Я попыталась продолжить предложение, но получилось лишь издать несколько невнятных

ных звуков. Веки словно были каменными. Я почувствовала, как Хорхе поправил прядь моих волос, убрав с лица, и чуть касаясь, провел рукой по голове. И я уснула. Моментально. Словно больше уже ничего не болит и не беспокоит. Словно все беды остались где-то далеко позади... или вообще происходили не со мной... И даже отголоски воспоминаний о всех прежних печалях тихо, медленно угасали...

Глава 4

Оглядываясь на пережитое, я вспоминаю рассказ об одном старике, который на смертном ложе поведал, что его жизнь была полна неприятностей, большинство из которых так и не случилось.

Уинстон Черчилль

Темные силы, зародившиеся с родом человечества, объединяются в одну тень, которая преследует нас, напоминая об ошибках и неудачах прошлого. Становясь больше и сильнее с каждым годом, с каждым неверным шагом, с каждым сожалением. Приобретая абсолютную власть над нашими действиями, нашим мышлением и сознанием. Наши страхи, наша неуверенность, незавершенность, комплексы, – все то, что побеждает в битве за наше сознание и восприятие реального.

Я видела ее.

Она высокая, границы ее нечетко очерчены. Шрамы моего прошлого – ее крылья. Она приходила ко мне во сне и после я просыпалась и не знала, чего мне хотелось больше: никогда не засыпать снова, или уйти обратно в сон и больше не открывать глаза. Она обнимала меня, воздействуя на мой мозг, передавая лишь серые изображения, лишённые радости, пытаясь обессилить мою волю и превратить мое будущее в тонкую материю своей обыденной серой сущности.

Я проснулась утром от стука в дверь. Приоткрыв глаза, я не сразу вспомнила, как оказалась в этой комнате.

– Можно? – это был Хорхе.

– Да, заходи, – я ответила, стараясь подавить зевоту, потягиваясь в кровати.

– Доброе утро, – парень подошел к кровати и сел рядом. На нем была черная майка и серые штаны. Черный цвет ему очень шел, в сочетании с темными волосами и цветом глаз. – Как спалось?

– Привет. Я вообще не очень хорошо сплю в последнее время, часто просыпаюсь.

Я села на кровати, пытаюсь вспомнить, что видела во сне. Ощущения при этом были не очень приятные. Забавно, но, даже когда мы не помним, о чем был ночной кошмар, с нами на утро остаются ощущения страха. Я сосредоточилась и начала прокручивать в голове те короткие фрагменты сна, что все еще могла удержать, пока они не исчезли навсегда: за мной снова шла моя тень. Я пыталась спрятаться от нее в доме, где жила еще в раннем детстве. В нем было темно. Забежав в свою комнату, я стучала по выключателю, но тщетно. В лампочке на потолке загоралось лишь немного света, которого не хватало даже на то, чтобы увидеть мою вытянутую руку. Затем он снова пропал.

– А ты? – спросила я решив, что лучше подобные детали опустить.

— Почти не спал. Много думал о вчерашнем, обо всем, что ты рассказала, – Хорхе взял небольшую паузу. – Я приготовил тебе полотенце, халат, если хочешь пойти в душ.

— Спасибо, очень кстати.

– Что хочешь на завтрак?

– Тост с кофе вполне сойдет. А который час?

– Уже почти 13.

– Можно назвать это сразу обедом. – я взяла полотенце и халат и направилась в сторону ванной комнаты.

Стены в ней были отделаны изящной плиткой темно-серого цвета. Широкое зеркало обрамлено подсветкой, под ним – двойная раковина из черного мрамора с золотистыми линиями из янтаря.

Я разделась и зашла в душевую, закрыв в нее за собой стеклянную дверцу. На подставке был шампунь из трав и гель для душа. Я включила воду и на меня упала прохладная мощная струя. Механизм душа был достаточно замурённый: на стальном каркасе было несколько регуляторов мощности и температуры. Минуты две я пыталась разобраться, чтобы получить нужную температуру, стоя немного в стороне от струи, и наконец это удалось.

Приятная горячая вода обняла мое тело, смывая весь накопившийся стресс. Я выдавила немного шампуня на ладонь и душевую заполнил ароматный запах трав, словно в хвойном лесу. Несколько секунд я просто вдыхала этот запах, заполняя им весь объем моих легких: он был таким мощным, свежим. Выходить совсем не хотелось, и еще какое-то время я просто стояла под водой с закрытыми глазами, пытаюсь отключиться и ни о чем не думать.

Я вытерла тело и волосы полотенцем и накинула мягкий белый халат.

Оказавшись в коридоре, я направилась к соседней широкой двери. За ней был большой зал с огромным панорамным окном, закрытым жалюзи. Я подошла к окну, чтобы их поднять, и мне тут же пришлось прищуриться: с улицы комнату залил яркий свет золотого летнего испанского солнца. Когда я все же смогла поднять ресницы и перестать щуриться, мне открылся прекрасный вид на парк, расположившийся немного выше дороги. По периметру его украшали пальмы, в центре располагался египетский храм. С высоты парка должно быть можно видеть всю восточную западную часть города. Идеальное место для вдохновения.

– У меня нет фена. – голос Хорхе прозвучал так неожиданно, что я подпрыгнула на месте.

– Ты меня напугал.

– Прости.

– Ничего страшного, – я выдохнула. – Я не пользуюсь феном.

– С такими длинными волосами?

– Именно поэтому, – я улыбнулась, – Фен сильно сушит волосы, я стараюсь просто пользоваться полотенцем, а потом оставляю сохнуть самостоятельно. Иначе они сильно ломаются.

– Идем на кухню, – Хорхе взял меня за плечо и повел в сторону коридора. За соседней дверью была просторная кухня с большим стеклянным столом в стиле модерн. Парень подошел к холодильнику и открыл дверцу. – Тут куча всего, можешь брать, что тебе захочется.

Фрукты, овощи, соки, йогурты, сыры, бутылка шампанского. На дверце сбоку в ряд красовались баночки с пивом, колой, фантой: напитки на любой вкус.

– У тебя часто наверно бывают друзья?

– Последний раз большая компания приходила, когда у меня была высокая температура. Я заболел гриппом и меня пришли проведать.

– Это здорово, что они заботятся о тебе.

Хорхе посмотрел на меня со знакомой уже мне улыбкой, поднимая лишь левый уголок губ:

– Они устроили вечеринку в зале, пока я пытался в спальне заснуть.

– Нет... – я с удивлением и сожалением смотрела на парня. – Ужасные люди.

– Да нет. Обычные. – он достал из холодильника упаковку соевого молока и направился в сторону кофе машины, где его поджидал ароматный напиток, – Прости, молоко у меня только соевое. – он продолжил так, словно те воспоминания его абсолютно его не задевали.

– Я помню, ты мне говорил, у тебя непереносимость лактозы.

– Именно.

– Нестрашно, чай вполне сойдет. У тебя на сегодня скорее всего есть какие-то планы. Я скоро уйду.

— Нет планов. Я проверил почту, мне с маниакальной настойчивостью отправляют сообщения начинающие стартаперы с безумными идеями. Большинство просит консультации о списке документов и большинство переговоров заканчивается темой «как уйти от налогов». Нужно бы еще кое-что перечитать, но думаю я перенесу это на неопределенный срок. Если, конечно, твое решение уйти как можно быстрее неокончательное.

— Я это сказала просто, чтобы не надоедать и не отвлекать тебя, если ты занят. На самом деле я даже не знаю пока как мне домой попасть. Я ведь оставила ключи внутри, полная решимости. — я вспомнила о том, как уходила из дома, уверенная в том, что больше ключи эти в руки никогда не возьму. — Хозяйка квартиры, которую я снимаю, сейчас в отъезде в Италии, будет только на следующей неделе.

— Можно было бы позвонить в специальную службу, но сегодня воскресенье и никто не придет. Где ты живешь?

— Недалеко от Мансанарес, в мансарде 6-и этажного дома. Черт, даже окно оставила открытым — я взялась за голову, запустив правую руку в волосы.

— Это же хорошо! Надеюсь, соседи не уехали.

— Моей соседке по площадке около 70-и лет, в последнее время она нечасто куда-то выходит.

— Тогда все просто. Мы навестим твою соседку и по крыше зайдем в квартиру.

— Крыша достаточно крутая, хотя я иногда залезала туда. Оттуда очень красивый вид на город. Чувствуешь себя птицей.

Я помешивала мед в черном чае с лимоном. Пошел приятный запах хлеба и через мгновение раздался шелчок тостерницы. Хорхе достал хлеб, положил сверху слой тертого помидора, полил слегка оливковым маслом и добавил щепотку соли.

— Не терпится увидеть, — он протянул один тост мне.

— Спасибо, — я задумалась на минуту, вспомнив, в каком состоянии оставляла свою квартиру перед уходом. — Ой нет... там ужасный беспорядок... Боже. — я прикрыла рот ладонью, мне стало неудобно от этой мысли.

— Не переживай, это неважно. — Хорхе пожал плечами при ответе. — Если бы не Мария, мне страшно было бы даже представить, как выглядела бы моя комната.

— Мария? — я удивилась. Не похоже, чтобы у него была девушка и уж тем более жена.

— Это наша домработница, — он ответил с улыбкой.

Хорхе зевнул, прикрывая рот рукой, и я вспомнила, о чем он говорил ранее утром.

— Ты думаешь, что я сумасшедшая? О чем ты думал всю ночь?

— Нет, — он улыбнулся, — я не об этом думал. Я вспоминал многое сначала. Потом думал о том, что ты чувствовала. А позже мои мысли завели меня в какую-то утопию, и я просто размышлял.

— На тему?

— Ну, например. Если выйдет так, что ты живешь вечно, что лучше: жить вечно одному с разными партнерами или жить вечно с одним и тем же человеком?

— Это зависит от того человека, вместе с которым тебе предстоит жить. Если это кто-то вроде меня, то лучше сразу умереть.

Хорхе засмеялся:

— Спасибо за предупреждение, — он наклонил свою голову к моей, слегка приобнимая меня за плечи. И я продолжила:

— Но, если это твое альтер-эго, с которым ты чувствуешь себя счастливым, с которым тебе хорошо и комфортно, без которого ты не можешь себе представить существования, то, конечно, с одним. Тем более он будет единственным, с которым тебе действительно просто, ведь он проживет такую же долгую жизнь. И фраза «понимать тебя как никто» будет действительно что-то значить.

— Интересно, – он внимательно смотрел на меня, качая головой.

После завтрака посуда была аккуратно сложена в посудомоечную машину, и мы пошли одеваться. Телефон почти разряжен. Пару сообщений от знакомых: запрос в фейсбуке лайкнуть страницу, один скучный «как дела?» и забавный gif с котятами. Ничего нового.

Только сейчас при свете, выпавшись, я смогла оценить, насколько дорого была обставлена эта огромная квартира: редкие материалы, использованные при оформлении полов, ванной комнаты, натуральные богатые ткани занавесок, огромные прекрасные картины, одна из которой мне особенно приметилась: это была картина моря, висящая над пианино. Очень похожая на ту, что была в доме моих родителей. Художник с невероятным мастерством положил краски так, что можно было видеть солнце сквозь густые покрывала волн, мелкие камни играли светом на берегу.

В зале и каждой комнате шикарная мебель создавала уютную, не слишком вычурную обстановку притом, что каждая вещь, казалось, гордо говорила: «я доступна далеко не каждому». Отделка, все оттенки и каждая деталь были продуманы по дизайну.

Я не озвучила своих мыслей по этому поводу. Решила поступить, как Хорхе: ему наверняка уже много кто говорил о том, какая у него хорошая машина, отличная квартира.

Я никогда не была завистливой. Не в материальном плане точно. Возможно только, когда видела счастливых людей на улице: тех, кто собирался со своими друзьями в парке, со своей парой. Прогуливаясь вместе, светясь от счастья, планируя свое совместное будущее. Или тех, кому удалось построить свою жизнь так, как им всегда хотелось: заниматься любимым делом в окружении самых близких надежных людей. Глядя на них и сравнивая их жизнь со своей, у меня опускались руки от беспомощности. Неважно как сильно я пыталась получить того же, каждый раз судьба отвечала «...Да..., но нет, прости.»

У двери при выходе Хорхе задержался, чтобы ввести код сигнализации и после мы спустились в гараж, где парень попросил меня ввести адрес в GPS.

— 18 минут, – я прочла на экране, когда маршрут был проложен, и мотор завелся своим утробным урчанием, переходящим в ревущий бас, точно дикий зверь.

Лишь в августе можно видеть улицы города, незаполненные людьми: большинство жителей уезжает ближе к морю, а те, кто остаются, выходят лишь ночью, когда палящая жара спадает. Это единственная пора, когда можно увидеть Мадрид настолько пустым. И мне это нравится: можно разглядеть детали улиц и домов, которые раньше никогда не замечала из-за жужжащих толп.

До моего дома мы добрались уже за 14 минут. Как же странно видеть его снова.

В тени у подъезда сидели двое старичков соседей, вечно болтающих о своем недовольстве властью, погодой и другими соседями. Все как у всех. Переехав сюда из Польши, я поняла одно: везде все люди одинаковые, и заботы и мысли у всех очень схожи, независимо от страны, языка и климата. И жаловаться на жизнь, похоже, в самой природе человека.

Я подняла руку, чтобы набрать номер соседней квартиры: 6Б. Никто не отвечал. После повторного звонка в домофоне раздался женский голос:

– Даа?

— Добрый день, Беата, это Марго. Я забыла дома ключ. Вы не могли бы мне помочь и открыть дверь?

Прозвучал сигнал открытой двери без единого слова старушки в ответ, и мы вошли. У входа – крошечный лифт, в который с большим трудом можно влезть вдвоем. Мы забрались внутрь, тесно прижавшись друг у другу, чтобы уместиться, и я нажала на цифру 5.

Мы просто смотрели друг на друга, утрамбованные размерами кабины, не говоря ни слова. Словно магнитом меня притягивало к нему еще ближе. Я слотнула набежавшую слюну и, решив прервать неловкое молчание, сказала:

– Оттуда пешком навверх. До самого чердака лифт не идет.

Хорхе лишь кивнул в ответ, продолжая смотреть на меня молча.

Небольшая, но крутая лестница вверх привела нас к площадке. Я постучала в дверь сеньоры Беаты и из квартиры раздался ее радостный голос:

– Входи, входи!

– Беата, я сегодня с другом. – я сказала, переступая через порог квартиры.

— Прекрасно, проходите, я пока удержу Марселя.

– Марселя? – Хорхе посмотрел на меня.

– Это ее кот, – ответила я почти шепотом, – он немного нервный, когда приходят гости.

Но ласковый, если дашь еды. У меня на котов аллергия, так что я тут обычно надолго не задерживаюсь, хотя у Беаты здорово. Она очень приятная женщина. Немка. Вышла замуж в молодости за испанца, и они остались жить здесь.

— Здравствуй, моя красавица, давно ко мне не заходила. – Беата обняла меня и поцеловала два раза, – Как ты поживаешь?

— Все хорошо, – я улыбнулась, – Это Хорхе, мой друг.

– Приятно познакомиться. Друг, вот ведь как. – женщина обняла парня, пристально глянула на него, затем надела очки с толстеньким стеклом, которые висели у нее на груди на веревочке и добавила, – Ничего такой!

– Спасибо, – Хорхе чуть покраснел и опустил глаза.

Никогда бы не подумала, что подобный комментарий от пожилой дамы может его смутить. Или может быть его смущал такой комментарий в моем присутствии?.. Да нет, глупости... Почему-то такая мысль тем не менее доставила мне удовольствие.

– Беата, я оставила ключи в квартире, но окно открыто. Мы подумали, может Вы нам разрешите перелезть на крышу через Ваше окно, чтобы попасть внутрь?

– По крыше ползете?? Но это же очень опасно! Дети мои, ой, ой, ой. – Она закачала головой и ушла на кухню. Мы продолжали стоять, молча глядя друг на друга, в маленьком коридоре с покрашенными в коричневый цвет стенами, на которых висели фотографии женщины с ее мужем. На одной из фотографий на коленях у Беаты сидел Марсель, прищурив глаза. – Попробуйте мое печенье сначала, – донесся ее голос из кухни.

— Ммм, печенье? – Хорхе такое предложение явно заинтересовало, и он, кивнув, сделал несколько шагов следуя на запах свежей выпечки.

— Я приготовила печенье, сегодня же воскресенье! Думала дети приедут, а у них не вышло. Вот ведь как. Вот оно, имбирное, разбирайте, только из духовки. – Беата махнула рукой в сторону стола, на котором на противне лежало свежее еще горячее печенье круглой формы. От него медленно поднимался светлый дымок. Вся кухонька была заполнена теплым праздничным ароматом имбирной выпечки.

– Вкусно пахнет, – Хорхе подошел ближе к столу и аккуратно взял печенюшку.

Справа уголком глаза я заметила рыжий урчащий комочек: Марсель по-королевски разлегся в кресле, медленно поднимая хвост и ударяя им снова, словно плетью по сидению, сладко при этом мурлыча.

– А есть что-нибудь для него? – Хорхе подошел к коту, осторожно протягивая ему руку.

– Есть у меня и для Марселя лакомства. Без них незнакомым людям лучше не подходить. – Беата отошла в угол кухни и, потянувшись к верхней полке на носках, достала коробочку с кормом. – Держи, – женщина отсыпала немного корма в ладонь парня. Марсель, увидев знакомую коробку, отреагировал немедля, поднявшись на лапы.

Корм был в виде рыбок, коричневого цвета. Выдавался нашему пушистому другу поштучно, зарабатывая видимо, тем самым постепенно расположение и доверие. Когда же все рыбки в ладони Хорхе закончились, парень приподнял ладонь над головой Марселя, и тот подтянул мордочку, потершись о нее в знак признательности.

Мы взяли еще по печенью, оно было действительно очень вкусным: сладким со щепоткой соли и пикантной ноткой имбиря.

— Спасибо, Беата, оно очень хорошее.

— Рада, что вам понравилось.

— Нам бы попасть ко мне, можно мы попробуем через зал?

Мы прошли в небольшую, обставленную старой мебелью, комнату. Преимущественно все в ней было коричневого цвета. Здесь было очень уютно, настолько, что в сочетании с запахами выпечки из кухни моментально расслабляло и клонило в сон.

— Сейчас, ребятки, я открою окно, — Беата потянулась за ручкой на раме, повернула ее, и окно распахнулось. Женщина выглянула и обернулась к нам, — Мне очень не нравится эта ваша затея. А почему ты не позвонишь Диане?

— Она уехала на неделю.

— Ну да, ну да... Ой ой ой... Не нравится мне эта идея. Не лезьте вы туда. Крыша дряхлая, да еще и крутая, шею посворачиваете.

Я высунулась из окна, Хорхе стал сзади:

— Это то окно? — он указал на торчащую наружу раму.

— Да. — я кивнула в ответ.

— Хорошо, я запрыгну и открою тебе дверь изнутри. Беата, ничего страшного, я аккуратно.

— Но, — она попыталась перебить.

— И спасибо большое за печенье, — Хорхе не дал Беате закончить, взяв крепко за руку и обняв женщину. — Марго, подожди меня в коридоре, я открою.

— Ладно, — я согласилась, но осталась следить у окна.

Хорхе перелез через окно и стал на старую черепицу, уцепившись крепко руками за раму.

— Осторожно, она может поехать вниз. — мне было страшно, когда я смотрела на дрожащие под его ногами черепки покрытия, которые, казалось, в любую секунду могут выскользнуть.

— Раз плюнуть! — Парень старался держать марку, хотя было заметно, что вниз смотреть ему страшно: он то и дело закрывал глаза и осторожно испытывал каждую часть крыши, на которую становился, сперва легко касаясь ее ногой и затем переносил вес своего тела. От одного окна до другого было около шести метров, но такая дистанция казалась километровой. Я пристально следила за каждым движением Хорхе и волновалась, восторгаясь в то же время его смелостью. Осталось еще пару шагов и внезапно одна его нога соскользнула. Кусок черепицы упал вниз.

— Аай! — Я пискнула от страха.

Он крепко держался за ободок крыши.

— Живой, еще немного, — я выдохнула.

Вскоре парень смог ухватиться за приоткрытое окно и уже через пару секунд запрыгнул внутрь. Я облегченно вздохнула и вышла из зала.

— Он зашел! — я радостно сообщила Беате. — Побегу туда.

— Господи Иисусе, — она перекрестилась, — Хорошо, что ничего не случилось, я даже не смотрела, страх какой.

— Спасибо большое, Беата, — я обняла женщину и направилась к выходу, как вдруг услышала возмущенный «мррр мяеу». Обернувшись, я увидела Марсея, заметившего, что я собралась уходить, не попрощавшись.

— Ты же знаешь, я не могу тебя за ухом чесать, как все. Не настаивай.

На столе все еще была упаковка с кормом, я достала одну «рыбку» и протянула ее коту.

— Держи, не скучай.

— Мрррр... — одобительно промурчал кот.

Я вышла в коридор, дверь все еще была закрытой. Позвонила, но никто не открывал. Неужели его настолько ввел в ступор мой беспорядок? Или не то окно. Да то же. Все правильно. Позвонила еще раз. Через минуту стали слышны приближающиеся шаги, и дверь открылась.

– Это ты писала? – спросил парень, забегая тут же назад в комнату.

– Что? – я спросила удивленно.

– Картины у тебя в комнате, – Хорхе обернулся на ходу с серьезным, зажженным взглядом. Я направилась за ним.

– А, да...

– Это же восхитительно! Эта работа, в ней столько эмоций. Чем-то напоминает Магритта, если бы он писал в депрессии.

Меня повеселило такое сравнение.

Хорхе стал напротив картины моего бывшего парня, с замазанными черной краской глазами, которая даже еще не успела засохнуть: масляной краске требуется около 3 дней.

– Это образ как раз того парня, о котором я тебе рассказывала. А ты нтересуешься искусством?

– Я раз 5 был в музее Прадо, трижды в Лувре и почти каждый месяц захожу в музей королевы Софии. Там постоянно какие-то новые совершенно восхитительные экспозиции.

– Даже я так часто там не была.

– М.М. это ты? – Хорхе увидел в углу картины мои инициалы, написанные тонко, прописью черным цветом.

— Марго Маценг.

– Красивая фамилия.

– Спасибо. – Я улыбнулась и, подойдя к кровати, принялась застилать одеяло. Затем убрала со стола пустую бутылку, бумагу с зарисовками и фразами.

– А эти? – Хорхе увидел картины, стоявшие на полу стопкой без рамки. – Можно?

– Да, конечно.

Он взял в руки одну из картин.

– Это же просто гениально, дух захватывает. Поверить не могу, что эти работы просто пылятся на полу. Ты никому их не показывала?

– Смеешься? Знаешь, сколько таких «творцов», как я? И каждый мечтает когда-нибудь прославиться, как Дали.

– А ты не мечтаешь?

Я опустила голову, затем посмотрела на Хорхе:

– Не хочу, чтобы потом не разочаровываться.

– Что за ерунда? Слушай, я понимаю тебя, тебе было плохо. Накопилась куча стресса, а рядом никого не оказалось. Не все в жизни получается с первого раза и так как хочется, но нужно же хотя бы пытаться. И мечтать надо за гранью. И не просто мечтать, а делать.

– Ты сам о чем мечтаешь?

Парень замолчал.

– Это другое. – ответил он после паузы.

– В чем разница? Всегда проще судить о жизни других. В этом и проблема. Свои барьеры нам кажутся всегда выше и сложнее, потому что нам через них прыгать.

– У меня была мечта. Но она уже не сбудется это точно.

– Почему?

Хорхе сел на кровать, молча уставившись в окно.

– Я хотел отправиться в путешествие с моей мамой. – Он зажал губы и сжал обе руки в кулаки, оперевшись ими на кровать. – Она всю жизнь усердно работала, мечтая выйти на пенсию в 45 и начать жить в свое удовольствие, путешествовать. Я говорил ей: «Мам! Ну, давай съездим вместе куда-нибудь. Отдохнешь, посмотрим мир!». А она всегда отвечала: «Я очень

этого хочу. Я так хочу поехать с тобой везде, но не экономить, не откладывать на это деньги, а чтобы все у тебя было! Развить бизнес и потом путешествовать всю оставшуюся жизнь». Но мы потеряли ее 2 года назад, когда она заболела раком. Не дожив недели до того возраста, когда она планировала выйти на беспечную пенсию. На протяжении трех лет она сражалась с болезнью. Что мы только не перепробовали. – Глаза Хорхе стали красными и его затрясло. – Она умирала у меня прямо на глазах, и я ничего не мог сделать. Никакие деньги не могли помочь. Ничего нет дороже жизни. И купить ее нельзя. – он глубоко выдохнул – С тех пор я живу как-то по инерции. Время для меня как будто остановилось на том моменте.

– Прости, мне очень жаль, – мне стало ужасно стыдно. За то, что я сказала и за свою слабость. За то, как обесценила свой шанс на большую жизнь таким глупым способом. Кто-то умеет любить жизнь, но не может ей насладиться по причинам от него не зависящим. А кто-то просто сдается на ровном месте.

Я села ближе к Хорхе, и он обнял меня крепко.

– Значит надо создавать новые мечты. Начать с чего-то простого. Уехать куда-то ненадолго. В прованс.

– Или в Шанхай. – Хорхе грустно задумчиво улыбнулся. – Или в Нью-Йорк.

– В Новую Зеландию. Сразу представляются домики хоббитов и все зеленое.

– Их разве там снимали?

– Не знаю, но представляется Новая Зеландия мне именно так.

– История с моей матерью научила меня кое-чему важному. Прожить нужно жизнь так, чтобы не говорить «ты представляешь...», а «а вот ты помнишь?». – Глаза Хорхе загорелись энтузиазмом.

– Ты помнишь, как ты через крышу залез ко мне в окно? – я засмеялась.

– Мы на верном пути! – он отметил бодрым громким голосом, улыбаясь. – Я серьезно. Куда бы ты сейчас хотела поехать?

– К морю. Сесть на берегу и смотреть вдаль. Гулять по пляжу. Но работа... – Я наклонила голову и посмотрела на Хорхе, внезапно вспомнив о вернувшихся ко мне обязанностях теперь, когда мысли о суициде остались где-то в прошлом.

– Работа? – Хорхе улыбнулся, – Тебе не все равно теперь уже?

– И да и нет. Ну, то есть... Я же не могу просто все бросить ради минутного импульса. Ради одного «хочу». Мне нужно зарабатывать деньги. Жить как-то надо.

– Как-то... Как-то ты жила до этого. Я думаю, тебе вообще пора серьезно заняться сменой деятельности, если твоя настоящая работа доводит до депрессии. Как-то жить нельзя. Как-то жил я эти два года, и я так больше не хочу. Когда моя мать умерла, я начал действительно понимать, что мы не всегда можем все контролировать. Никто не знает сколько нам осталось и что нас ждет в будущем. Кто придумал эти правила, по которым надо жить? Почему нельзя взять все в свои руки и просто выстроить так, чтобы от каждого дня получать удовольствие. Хочешь на море – нужно ехать на море. Почему мы не можем взять и поехать прямо сейчас? Давай! – выражение лица его сменилось на решительность и какую-то, словно бунтарскую, детскую радость.

– Я не думаю, что это хо... – я попыталась возразить.

– Всех денег не заработать. Тебе нужно научиться ценить свое время.

– Легко говорить человеку, у которого никогда не стояло вопроса о том, где взять денег на оплату съемного жилья. Я выживаю, ты понимаешь это? Я не могу, как ты, просто взять и все бросить.

– Ты права. – его интонация стала нисходящей, уже не такой воодушевленной, но размеренной. – Не думай, что для меня это простой шаг. Мой отец – блестящий предприниматель. Начинать с адвокатской конторы и создал целую империю, ряд компаний, приносящих солидный доход. Всю мою жизнь он решил за меня еще при моем рождении. Ведь я его единствен-

ный сын, и кто-то должен будет продолжить его дело. Основой бизнеса было право, поэтому я обязан был поступить на юридический, хотя меня это никогда не интересовало. Меня интересовала медицина, музыка. Но отец был категоричен: если я хотел заниматься медициной, на помощь семьи я больше рассчитывать не мог ни по оплате за образование, ни на жизнь, ни наследство. А у меня тогда кишка тонка была послать все к черту и жить своей жизнью. Он был главным авторитетом и последней инстанцией во всем.

Единственным человеком, который всегда меня понимал и поддерживал, была моя мать. Ты думаешь я счастлив своей жизнью? Это далеко не так. Я не мог включиться до вчерашнего дня. Потом увидел тебя и во мне раздался какой-то щелчок. Я постоянно думал о своей матери: она откладывала свою жизнь «на потом», занимаясь тем, чем якобы нужно, чтобы начать жить однажды, когда-нибудь. Как же иронично и жестоко. Мой отец в свою очередь просто нашел себе какую-то девку уже спустя 3 месяца после похорон. «Кларисс» – он произнес с натянутой улыбкой. – Никогда бы не поверил, что он способен на такое. Человек в таком положении в обществе, со всегда холодным расчетом во всем, к чему прикасается.

Он говорил громко, эмоционально, с напором, словно долгое время эти слова просились наружу. Оказывается внешнее благополучие не всегда соответствует внутреннему спокойствию. Но со своей проблемой он не мог ничего сделать. Слепление страстью имеет настолько дьявольскую силу, что власть ее над людьми не знает границ. Ничто не может ей препятствовать: ни возраст, ни опыт, ни положение в обществе.

– Так вот, что я тебе скажу. – он продолжил. – Ты хотела прыгнуть от безысходности. Значит тебе теперь нечего бояться? Ты можешь делать что угодно, ведь страшнее смерти нет ничего и ее ты не побоялась. У тебя есть жизнь и ее нужно использовать, делая то, что ты должна. Не кому-то. Себе. Чего ты хочешь? К морю?

На моих глазах наворачивались слезы, и я кивнула в ответ.

– Собери вещи, которые тебе пригодятся и поедем прямо сейчас. – Хорхе поднялся с кровати. – Ты отдохнешь, мы подумаем, что делать дальше. – Он взял меня за руку, глядя прямо в глаза. – Доверься мне.

Он был абсолютно прав: мне нечего было терять. Вся моя жизнь ничего не стоит, и я знаю об этом, как никто. Я должна была что-то в ней изменить и пришел самый лучший момент это сделать.

Глава 5

– Ты понимаешь, что море близко уже по запаху. – Хорхе пытался перекричать музыку в машине, опуская стекла окон. – Чувствуешь? Соленый запах счастья.

Морской воздух заполнил салон автомобиля. Он действительно придавал какое-то особенное ощущение радости, предвосхищая позитивные перемены, хотя бы ненадолго. Может быть в этом и есть преимущество тех, кто не живет у побережья? Ведь если к этому запаху привыкнешь, он уже не будет вызывать такой восторг.

Начинало смеркаться. Свет становился мягким, магическим, предавая всему, чего касался, игриво-тоскливой красоты, романтичности.

— Я хочу, чтобы ты закрыла глаза сейчас и не открывала, пока я не скажу. – Хорхе произнес, глядя то на лобовое стекло, то на дорогу перед собой.

– Хорошо. – я последовала его просьбе. – Мы уже приехали?

– Почти. Еще совсем немного осталось. Обещай не открывать глаза.

– Обещаю. – Я улыбнулась в ожидании чего-то особенного.

Я почувствовала, что мы спустились вниз, как будто, в гараж. Свет, проходивший сквозь мои закрытые веки, совсем исчез. Машина развернулась вправо и остановилась. Хорхе открыл дверцу и помог мне подняться, аккуратно придерживая мою голову, чтобы я не ударилась. Со скрипом открывшийся лифт поднял нас наверх. Судя по тому, сколько это заняло времени, мы были довольно высоко.

– Осторожно, сейчас направо. – Он аккуратно взял меня за талию, помогая сориентироваться.

Я послушно следовала инструкции. Раздался звук ключа, открывающего замок в двери:

– Переступи здесь аккуратно.

Хорхе взял меня за руку и помог войти. Мы прошли несколько метров вперед, свернули направо. Еще несколько шагов и я остановилась. Раздался шорох поднимающейся занавески и скользящей в сторону двери. Ветер подул мне в лицо, и я услышала шум машин.

– Еще пару шагов. – Хорхе сказал тихо, обняв сзади за талию.

Я послушно ступила вперед и почувствовала, как уперлась в перила.

– Открывай глаза. – Он прошептал мне на ухо и по телу пробежали мурашки. Я приподняла ресницы и тут же от удивления мои глаза широко распахнулись.

Шум волн, а не машин, как мне сразу показалось, бархатным шелестящим шепотом нежили слух. Огромная терраса выходила прямо на море, освещаемое луной. Волны откатывались от берега, чтобы затем развиваться в крещендо под крики чаек, нарастая, и в самой своей кульминации разбиваясь белой пеной о берег.

Это было прекрасно. У меня перехватило дыхание и слегка дрожало тело от восхищения, счастья и ужаса от мысли, что, если бы ни один случайный человек, я никогда бы здесь не оказалась. Этой ночи, этой самой минуты не наступило бы... никогда. Какое страшное слово...

Я обернулась, взяв Хорхе за руку, и понеслась к выходу. Почти моментально мы оказались на пляже, и я помчалась к воде. Прямо в длинной юбке я забежала в воду по колени, я носилась по песку, смеялась, подбрасывала воду руками. Соленые капли попадали мне на лицо.

Это стало моим перерождением. Все, что было в моей жизни до этой минуты забыто, ничего не болело, будто начала свое действие анестезия для души.

Когда у меня сбилось дыхание я остановилась, обернулась и увидела Хорхе. Он стоял и молча смотрел на меня. Я подошла к нему, пытаюсь восстановить дыхание, убирая мокрыми руками растрепанные волосы с лица:

– Как же здорово! – Я попыталась немного нейтрализовать свои эмоции.

– Тебе очень идет улыбка. – Он смотрел на меня, держа руки в карманах шорт, а я не могла разорвать магнетическое притяжение между нашими взглядами.

– А мне вот дед еще говорил, если ты не знаешь, что делать со своей жизнью – тебе нужно встретить рассвет у моря. – Я произнесла радостно, пытаясь сбросить напряжение, сменив тему. – Это будет так прекрасно, что думать ты сможешь только о том, что для тебя действительно важно. Вот это и нужно делать. Если ты в этот самый миг что-то для себя осознал, так и надо поступать.

– Что ж ты сразу его совету не последовала? – спросил парень.

Мне и самой себе в этот момент было трудно ответить на этот вопрос. Я выдавила из себя лишь:

— Но ты же здесь на самом деле не только из-за меня. Всех стоящих моментов нужно уметь дожидаться.

Хорхе улыбнулся и притянул меня ближе к себе за руку и спросил:

— Боишься высоты?

Рядом с пляжем находился луна-парк. Чем ближе мы к нему подходили, тем громче гремела музыка. Воздушные шары, запах попкорна, дети со сладкой ватой, – все это создает ощущение невинной легкости. Мы словно забываем о своем реальном возрасте, к нам, как в детстве, приходят яркие эмоции от каждой мелочи.

Среди небольших перевозных американских горок, лабиринтов ужасов, тиров возвышалось сияющее разными цветами колесо обозрения. Очередь, казавшаяся длинной, быстро прошла, и мы забрались в кабинку.

– Я никогда не боялась высоты. Наверное, от бабушки передалась скорее любовь к высоте. Он был военным летчиком. Я бы хотела прыгнуть с парашютом даже.

– Бесстрашная? Оказаться в закрытом пространстве с каким-то подозрительным типом, например, тебя не пугает? – Хорхе сделал гримасу, сузив глаза, изображая «подозрительного типа».

– Если только он будет пытаться настойчиво добиться от меня консультации, как уйти от налогов. – Я улыбнулась. – Я боюсь старости. Но не потому, что страшно однажды проснуться и увидеть свое морщинистое лицо в зеркале. Сам факт седых волос не пугает меня.

– А нет?

– Нет. Я боюсь осознания того, что жизнь прошла, а я ничего не успела сделать. Не успела создать что-то значимое. Написать гениальную картину, судьбоносную для кого-то книгу. Создать что-то, что будет жить после моей смерти. Знать, что я не просто пришла, спала, ела, занималась сексом, снова спала, размножилась и умерла. Как насекомое. Я хочу понимать, что не зря прожила это время. Мне непонятно, почему это, кажется, важно немногим людям. Для меня это настолько очевидно. Разве нет?

– Мне важно видеть рядом человека, с которым я хочу прожить всю жизнь. С которым я уверен и счастлив. Пройти вместе через все трудности и всевозможные истории, приключения, путешествия... Разделить опыт всего, что мог с той, что дает мне это желание жить, просыпаться каждое утро.. – Он смотрел на меня так, словно искал во мне того самого человека, заглядывая глубоко в глаза, пытаясь найти ответ на свой вопрос: «Что скажешь?».

— Полетели в Новый Орлеан. – я ответила.

– Новый Орлеан?

— Я никогда не была в Америке. А новый Орлеан – это родина джаза. Я бы так хотела пройтись по тем же улицам, где раньше ходил сам Луи Армстронг, творили Джелли Ролл Мортон, Фрэнди Кеппард.

— Слышала о Чете Бэйкере?

— Конечно! – На секунду я перенеслась в тот момент, когда я выходила той ночью к мосту, оставляя Чета играть, пока батарея не сядет.

– Я обожаю его музыку. Он точно знал, для чего родился.

– Ты играешь на музыкальных инструментах?

– На пианино. В доме моего отца целая коллекция моих гитар. Акустических, электро... Я играю с 5 лет. Это, пожалуй, были единственные моменты, когда я действительно чувствовал себя счастливым, имея доступ к материальным средствам: я мог купить себе любой инструмент, не откладывая на него деньги. Нанять любых педагогов. Музыка для меня – способ самовыражения, мой собственный язык, самый точный. Как, наверно, для тебя холст. Мне нравится идея полететь в Новый Орлеан. Я был в Штатах несколько раз, но ни разу в Новом Орлеане. Ты говорила о своих страхах, но высоты, как я, опытным путем уже выяснил, ты не боишься. Можем лететь.

– Еще если хорошо подумать в долгосрочной перспективе у меня есть еще боязнь того, что в мире закончится шоколад.

– Ты просто как маленькая девочка, – он улыбнулся и взял прядь моих волос, – И у меня есть какое-то странное ощущение, что я должен всегда тебя защищать. От всех проблем.

Он был совсем близко. Я чувствовала его дыхание. Мы почти касались друг друга щека к щеке, а хотелось еще ближе... намного ближе. Я отвела взгляд на мгновение: мы были как раз на самой верхней точке колеса, и оттуда открывался неописуемый вид на вечернее море. Оно блистало, оно радовалось, играя волнами. Оно торжествовало.

— Я хочу, чтобы ты всегда так улыбалась. – Хорхе наклонился ко мне, его губы коснулись моих. Я закрыла глаза и почувствовала их вкус: вкус нежной страсти, эта мощная мужская энергия, слегка касающаяся с трепетом, с бешеным желанием полного поглощения и волнением, страхом разрушить сатильный, утонченный предмет своего восхищения от легкого дыхания. У него был свой запах, свой особенный вкус губ, как ни у кого. Вкус, кружащий мне голову.

— Я не могу это объяснить. – Еще несколько секунд я держала глаза закрытыми, пытаюсь удержать его нежность и насладиться как можно дольше этим ощущением полного растворения в блаженстве. – Я никогда этого раньше не чувствовала. Мне просто... – я пыталась подобрать правильное описание, полностью расслабив свое тело. – Просто хорошо. Мне хорошо с тобой.

– Я чувствую то же самое, – Хорхе смотрел на меня пристально, словно ничего больше не имело никакого значения. Его глаза покраснели немного, было заметно, что ему непросто дается это признание, каждое его слово имело значение для него самого. – И никогда раньше ничего подобного не было. Марго, пообещай мне одну вещь. Не оставляй меня никогда. Для меня это важно.

– Почему ты думаешь, что я тебя оставлю? – меня удивили его слова.

– Я не пускаю никого в свою жизнь. Вокруг меня выстроена высокая стена. Среди всех моих знакомых и друзей совсем немного близких. Я почти никому никогда не давал возможности узнать меня, воздействовать на мои чувства. Моя независимость для меня очень важна. Мне нужно знать, что ты это понимаешь. Если я отдам вожжи в твои руки, управление моими эмоциями, ты сможешь сделать со мной все. У тебя будет полный контроль надо мной. Мне важно знать.

– Я не оставлю тебя. Обещаю. Если когда-нибудь мне вздумается полететь на Марс, я просто заберу тебя с собой.

– Даже так. – Хорхе улыбнулся. – Думаешь есть жить на других планетах?

– Я очень на это надеюсь. Было бы здорово такую планету найти. Интересно, какие они, инопланетяне?..

— Думаю, у них все те же проблемы там, как и у нас. Борьба за власть. Желание выделиться, быть понятым, быть нужным.

— Я бы хотела, чтобы была планета с видом людей очень похожими на нас.

– То есть?

— Ну, по внешности, мышлению похожие, но в то же время совсем другие. — я словила непонимающий взгляд Хорхе. — Ну, например. Почему многим людям нравится путешествовать в Азию? Или по Европе.

— Разные культуры?

— Именно. Там все отлично, но это те же люди. Не для кого твой приезд не сенсация и ты не чувствуешь себя инопланетянином. Там просто люди, говорящие на другом языке, с отличающейся модой, кухней, культурой. Насколько интересно путешествовать, изучая обычаи, традиции, архитектуру других стран и народов. Их языки. А теперь представь целую планету, где огромное количество абсолютно новых культур, историй развития, языков, музыки, искусства. И все это в какой-то степени близко и тебе и мне, потому что это та же раса, которая в целом похожа внешне, но у них, например, из-за их ДНК скажем волосы с синеватым оттенком. Или кожа слегка холодноватого тона. Большие фиолетовые глаза и больше никаких физиологических отличий.

— Представляю. Музыка, которую мы также можем воспринимать с нашим слухом, но какие-то особенные по звучанию инструменты. Но что, если они агрессивны?

— О нет. Скорее они более разумны.

— Разумны?

— Мг. В моей фантазии они более разумны, чем наша раса. А чем более разумно создание, тем менее оно агрессивно. Возможно, у них даже не будет войск в каждой стране. Лишь немного полиции для поддержания внутреннего порядка. Но никто ни на кого не нападает и войн у них нет. Правление центрально планетарное. Нет границ, нет неравенства.

— Что, если наши войска в таком случае, по команде какого-нибудь из президентов располжат свои спутники и космическое оружие вокруг этой планеты для обеспечения собственной и «их» безопасности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.